

Первые шаги... (рус.)

Первые шаги... (рус.)

Опыт первой исповеди и причастия

Константин

Мой путь от крещения до первой исповеди и причастия составил 11 с лишним лет, и рассказ о них был бы слишком долгим. Скажу лишь, что эти годы кажутся мне временем спящих огней, карнавала ярких масок, издалека казавшихся прекрасными, но вблизи неизменно оказывавшихся или порченными или просто отвратительными. А вокруг всегда стоял холодный мрак, и с каждым годом блуждать в этом мраке становилось все тяжелее. Но именно в этом мраке я почувствовал, что выйти из него мне поможет лишь вера в Бога.

В Бога я поверил в ранней юности, и с тех пор мучительно пытался примирить свою гомосексуальность и веру. Но собственный горький опыт, мрачные события, через которые довелось пройти, долгие, тяжелые раздумья привели меня к убеждению, что гомосексуальность - это грех, а грех и веру примирить невозможно и необходимо делать выбор. Выбор для меня был очевиден: вера. Но вскоре стало ясно, что "веры в душе" мало, такая вера зачастую оказывается лишь самообманом, который не позволяет тебе измениться, обрекает на бесконечные хождения по замкнутым кругам все в том же надоевшем холодном мраке.

Я понял, что нужна полнота веры, а она невозможна без причастности к Церкви. Время от времени я бывал в храмах, но чем дальше, тем больше ощущал, что этого недостаточно, что путь к спасению, к освобождению от тяжести в душе лежит через исповедь и причастие. Невозможно до бесконечности чувствовать себя шелудивым, голодным псом, который кружит во тьме вокруг храма, но страшится переступить порог.

Однако мысль об исповеди вызывала во мне страх. Больше всего страшила мысль о том, как воспримут мою исповедь в Церкви. Странная вещь: я, фактически сам себя на долгие годы отлучивший от Церкви, теперь боялся, что священник произнесет надо мной нечто вроде формулы отлучения - именно сейчас, когда я стремился прийти в Церковь! "Вот, - уныло думал я, - нарвусь сейчас на какого-нибудь оголтелого попа. Таких ведь тоже немало".

Но я понимал, что тянуть дальше невозможно. Кстати, сайт «Преодоление-Х», общение с его посетителями придали мне решимости.

Я сказал себе: "Пора", и молил Бога, чтобы моя исповедь была принята, чтобы меня допустили к причастию. Но все же весь вечер накануне решающего дня я был в подавленном настроении, пытаюсь подготовиться в том числе и к тому, что меня, грубо говоря, пинком под зад выгонят из храма. Однако я старался внушить себе: даже если меня и выгонят, надо принять и это, принять наказание, ибо наказание - тоже путь к освобождению и спасению.

Отправляясь в Свято-Данилов монастырь к семи часам утра, я готовился к "худшему", в душе была тревога, на сердце - тяжесть. Особенно трудно стало, когда я встал в очередь на исповедь (передо мной стояло человек пять-семь). Я чувствовал себя неуютно, что-то внутри кричало: "Зачем ты сюда пришел? Зачем??" Временами накатывало желание попросту удрать. Но я понимал, что если сейчас уйду, то мне станет во сто крат тяжелее сразу за воротами монастыря. И я бормотал про себя молитву, хотя мысли мои летали словно обрывки бумажек на ветру, и заставлял себя стоять.

Наконец, настала моя очередь. Сжав кулаки, я подошел к монаху и выдавил из себя: "Батюшка,

я хочу исповедаться в содомском грехе. Я осознаю, что это грех, что это тяжкий грех. И в нем виноват только я сам". Монах, интеллигентного вида человек средних лет, спросил меня: "Вы знаете, что исповедь предполагает стремление больше не грешить?" "Да, знаю", - отвечал я через силу. Голос мой дрожал, я еле сдерживал слезы.

Между тем в голосе монаха не было ни тени осуждения, только доброжелательность и участие. Он задавал мне вопросы, причем в них не чувствовалось никакого стремления узнать какие-то грязные подробности моей жизни, он что-то говорил мне, а я отвечал, причем, кажется, невпопад. Даже не знаю, кто говорил больше - я или он. Но, повторюсь, в его репликах не было ни осуждения, ни высокомерного поучения, ни, напротив, самоуничижения. Только терпение, участие, доброжелательность, стремление помочь.

Наконец, монах прочел надо мной разрешительную молитву, но к причастию идти не благословил. Вместо этого он попросил меня прочитать покаянные каноны, три дня попоститься, сходить на вечернюю службу и снова прийти.

В принципе, я был к этому готов и не испытал разочарования. Но на душе стало еще тяжелее. И чем дальше, тем тяжелее становилось.

Все последующие три дня у меня было ощущение, будто из глубины души поднялась вся накопившаяся там муть, что я захлебываюсь в грязной воде или иду сквозь тучу пыли, которая забивается в ноздри, в горло, в глаза и от которой негде спрятаться.

Мысли лихорадочно метались, перескакивая с одного на другое. Время от времени я приходил в полуистерическое возбуждение, раздражался нервным смехом, порой меня начинало душить бешенство, я срывался на людей, кричал, матерился по поводу и без повода, иногда перед глазами возникали похотливые образы. И снова что-то внутри кричало: "Зачем тебе все это, зачем??", накатывало желание бросить, забыть все как мучительный сон. Но я по собственному опыту знал, что если сейчас отступлюсь, то потом мне станет только хуже. Я молился, потому что понимал: помочь мне может только Бог, что если я все еще не "сорвался", то лишь благодаря Ему. Но все равно меня одолевали сомнения, я воображал себя покинутым, отверженным, а мысли металась и металась, и мне казалось, что молитвы мои слабы и беспомощны...

Вечерами я читал покаянные каноны. Церковно-славянский текст был сложен и необычен, иногда казался нелепым и даже смешным, но все же я заставлял себя читать его, говоря, что это тоже испытание, через которое надо пройти.

Вечером, накануне второй исповеди, я пришел на акафист в монастырь. Во время службы и после нее мне стало еще тяжелее, вплоть до физической боли в сердце. На плечи давила тяжесть, мне казалось, что все внутри вот-вот взорвется.

Я, конечно, понимал, что на самом деле это нормально, что такая внутренняя борьба должна происходить, ибо исцеление не может быть безболезненным. Но все равно было очень тяжело и тревожно. Мне казалось, что Бог не слышит и не принимает моих молитв. Но вот, поздно вечером, когда я закончил читать молитвы к причастию, все вдруг стихло, словно после бури воцарился штиль.

На следующий день рано утром я снова отправился в Свято-Данилов. Мне опять было тяжело и тревожно, но все же не так, как в предыдущие дни. Исповедь принимал тот же монах. Я подошел и начал что-то бубнить про свои прошлые грехи: блуд и т.д. и т.п. "Минутку, - мягко прервал меня монах, - ведь это вы приходили три дня назад?" "Да, я". "И что же, вы все это

успели совершить за эти три дня?". "Да нет, ну что вы", - я чуть не поперхнулся.

"Исповедуйтесь лишь в том, что вы совершили в эти три дня, - доброжелательно сказал монах. - Потому что тот грех вам уже отпущен, и снова исповедоваться в нем означало бы, что вы сомневаетесь в таинстве исповеди".

Я честно рассказал обо всем, что со мной творилось в эти дни. Монах приободрил меня, дал несколько наставлений, причем опять без всякого менторства. На этот раз он благословил меня идти к причастию.

Мне трудно описать то чувство, которое я испытал, причастившись. На сердце возникла легкость, которую я, наверное, никогда прежде не испытывал. Как будто разом из сердца вымыло всю тяжелую, застоявшуюся грязь, которая скапливалась годами, а вместо нее пришел удивительный, глубокий-глубокий покой. Как будто там, где была тьма, вдруг воцарился свет.

Тогда я по-настоящему ощутил, какое великое дело - исповедь и причастие. Конечно, это лишь шаг, небольшой шаг, но, надеюсь и верю, критически важный.

И еще я понял, что главное - не отступить и довериться Богу. Сомнения, тревоги, страхи, отчаяние - все это лишь призраки, злые, но бессильные, как грязные, мыльные пузыри.

Бог всегда слышит наши мольбы, даже тогда, когда мы, впадая в отчаяние, воображаем, что Он глух. Он нас не оставляет.